

Ольга Ефимова

ТЕНИ ПРОШЛОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

ТЕНИ ПРОШЛОГО

«Автор»

2026

Ефимова О.

ТЕНИ ПРОШЛОГО / О. Ефимова — «Автор», 2026

Десять лет назад в московском тоннеле бесследно исчез поезд с тридцатью тоннами золота. Охрана перебита, расследование замято наверху. Единственный выживший — офицер разведки Андрей Горелов — был объявлен погибшим. Он возвращается спустя десятилетие. Без документов, без памяти, с пробитой головой на рельсах. Он не помнит, кто его ударил, кто стёр прошлое. Но тело помнит всё: боевые навыки, чужие голоса, код к гермодвери и главное — где золото. Андрей в подземном анклав бездомных, которым правит Смотритель — бывший прокурор, создавший криминальную империю. Горелов понимает: десять лет назад он был частью заговора. Кто-то из этого подземелья ударил его сзади. Кто-то знает правду. И этот кто-то не остановится, чтобы золото никогда не всплыло. Теперь Андрею нужно выжить в мире лжи, собрать себя по обрывкам прошлого и найти поезд раньше, чем его найдут те, кто уже однажды его убил. У него есть неделя, шрамы и старый жетон отца. Никакой гарантии, что он доживёт.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Нулевая отметка	8
Глава 2. Хозяин теней	15
Глава 3. Чужие среди своих	20
Глава 4. Территория зверя	25
Глава 5. Исповедь в бетоне	30
Глава 6. Голос из прошлого	35
Глава 7. Признание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Ефимова

ТЕНИ ПРОШЛОГО

ПРОЛОГ

Человек падает лицом на шпалы.

Это открытие он делает, когда мир снова собирается из кусков. Сначала звук — противный, на одной ноте, будто кто-то водит железом по стеклу. Потом боль — вторая, главная тема. Она приходит из затылка, растекается по позвонкам, заполняет черепную коробку, как расплавленный свинец. Потом запах — креозот, угольная пыль, старая кровь.

И только потом зрение.

Шпалы. Ржавые рельсы. Между ними — его собственные пальцы, шевелятся, словно пытаются нащупать ответ на единственный вопрос: *кто ты?*

Ответа нет.

— Шевелится, — говорит голос сверху. Андрей не может поднять голову — шея не слушается, но краем глаза видит ботинки. Армейские. С набойками. Дорогие. Не ботинки бомжа.

— Добить надо, — отвечает второй голос. Моложе. С придыханием. — Он нас видел.

— Не видел он ничего, — отвечает первый. Пауза. Щелчок зажигалки. — Ты посмотри на него. Череп проломлен, зрачки в разные стороны. Овощ.

— Но если...

— Если что? — первый голос смеётся. Смех сухой, как треск костра. — Он даже своё имя не вспомнит. А вспомнит — хорошо. Тогда объясним, что он здесь забыл.

Топот ботинок удаляется. Хлопает дверь — где-то рядом, металлическая, с визгом.

Андрей лежит.

Через минуту — или через час, он не знает — он переворачивается на спину. Небо низкое, ночное, без звёзд. Городское зарево отражается в тучах, и это единственный источник света. Капли дождя падают на лицо, смешиваются с кровью, текут по щекам, как слёзы.

Он не плачет.

Он вообще ничего не чувствует, кроме боли. Чувства — слишком сложная конструкция для того, у кого из головы выбили всё, включая имя.

Он садится.

Руками нащупывает карманы. Пусто. Ни документов, ни телефона, ни зажигалки, ни ножа. Только рваная телогрейка с чужого плеча, ватные штаны и ботинки на кирзовую подошву.

Он проводит рукой по голове. Волосы слиплись от крови. Рана глубокая — пальцы проваливаются в мокрую мякоть, и он отдёргивает руку, потому что трогать своё нутро слишком интимно даже для человека без памяти.

Встаёт.

Ноги держат. Тело помнит, как держать равновесие на рельсах, как распределять вес, чтобы не шататься. Это знание — древнее, животное, встроенное в суставы и мышцы. Память тела не предаёт. Память тела — единственное, что осталось.

Он смотрит по сторонам.

Пути. Тупик. Слева — кирпичная стена, справа — бетонный забор с колючей проволокой. Прямо — тёмный зев тоннеля. Из него тянет сыростью, мочой, гнилыми овощами и ещё чем-то сладковатым, отчего желудок делает сальто.

Он идёт в тоннель.

Потому что больше идти некуда. Потому что сзади — тупик, а впереди — темнота, которая обещает тепло. Любой бродяга знает: в тоннеле не так дует. В тоннеле можно сесть, приклониться спиной к стене и закрыть глаза.

Он делает два шага. Три. Четыре.

На пятом ноги подкашиваются, и он падает на колени, а потом вперёд — лицом в мокрый песок, смешанный с угольной крошкой.

Не надо, — говорит кто-то в голове. Голос чужой, но звучит так, будто раньше был своим. — *Не надо закрывать глаза. Закроешь — не откроешь.*

Он открывает глаза.

Прямо перед ним — окурок. С губной помадой. Свежий — ещё не размок.

И следы. Много следов. Десятки, сотни пар — ведут вглубь тоннеля. Люди здесь ходят. Много людей. Каждый день.

Он поднимается в третий раз.

Идёт.

Стены сыреют, потолок опускается. Воздух становится гуще, теплее, тяжелее. Запах меняется — к прелому добавляется жареный лук, дешёвая тушёнка, махорка. Где-то впереди горит свет — не электрический, а дрожащий, жёлтый, неровный. Костер.

Он выходит на платформу.

Старая, заброшенная, с облупившейся плиткой «сталинского» метро. Люди. Десятки людей — в пальто, телогрейках, спальниках, картонных коробках. Сидят на корточках, стоят, лежат. Кто-то играет в карты, кто-то варит похлёбку в алюминиевой кастрюле. Женщина качает ребёнка — ребёнку не больше года, он не плачет, у него нет сил.

Они все смотрят на Андрея.

Потому что он стоит в луже крови, шатается и сжимает кулаки так, что кости хрустят. Потому что он выглядит как они — такой же грязный, рваный, потерянный. Но глаза у него другие.

Глаза человека, который умеют убивать.

— Эй, парень, — говорит старик в железнодорожной фуражке без козырька. — Ты откуда?

Андрей открывает рот.

И понимает, что не знает ответа.

Не помнит.

Ничего.

— Потерял, — хрипит он. Горло пересохло, язык прилипает к нёбу. — Всё потерял.

Старик молчит. Потом протягивает кружку с чаем — чёрным, горячим, пахнущим сушёными яблоками.

— Ничего, сынок, — говорит он. — Здесь все что-то потеряли. Ты садись. Разберёмся.

Андрей садится.

Пьёт чай.

Слышит, как за спиной кто-то шепчет: «Смотритель его не любит. Смотритель таких не любит — с прошлым». Но он не слушает. Он смотрит на свои руки. На костяшки. На шрамы — старые, белые, аккуратные. Профессиональные.

Кем я был? — думает он.

Но ответа нет.

Есть только тоннель. Костер. Чай на вкус крови.

И голос внутри, который повторяет одно и то же слово.

Слово, которое ещё не стало мыслью. Скорее — рефлексом. Звериным чутьём.

Золото.

Где-то там, во тьме, за бетонными стенами и ржавыми рельсами, спрятано золото.

И Андрей знал это.
Знал когда-то.
Знал — до того, как ему проломили череп.
Он ставит кружку на бетонный пол. Закрывает глаза.
И впервые за эту ночь — улыбается.
Потому что если он знал про золото — значит, он не всегда был бомжом.
Значит, он кем-то был.
Значит, есть что вспоминать.
А это уже что-то.

Глава 1. Нулевая отметка

Чай успел остыть, а Андрей всё сидел, глядя в одну точку.

Пламя костра плясало на стенах заброшенной платформы, выхватывая из темноты лица. Много лиц. Усталые, обветренные, с запавшими глазами. Лица людей, которые давно перестали ждать чуда. Андрей смотрел на них и чувствовал странное — эти лица не вызывали ни жалости, ни страха, ни отвращения. Только тихое, ровное любопытство. Как если бы он рассматривал карту неизвестной страны, пытаясь понять, где тут горы, а где пустыни.

Боль в затылке пульсировала в такт сердцу. Каждый удар отдавался в глазницы мелкой противной дрожью. Андрей потрогал повязку — кто-то успел перевязать его, пока он был без сознания. Грязный бинт, пахнущий йодом и ещё чем-то кислым. Работа грубая, но толковая — кровь остановили, рану затянули. Руки помнят это ремесло. Не его руки — чужие. Те, кто здесь живёт, привыкли латать друг друга без врачей.

Старик в железнодорожной фуражке подсел рядом. Не спросил разрешения. Просто опустился на корточки, положил рядом ржавый чайник и долго молчал, глядя на огонь.

— Фролом меня кличут, — наконец сказал он. — Я тут старший по платформе.

Андрей повернул голову. Движение далось с трудом — шея одеревенела, мышцы сводило судорогой.

— Андрей, — ответил он. И сам удивился тому, как легко имя соскочило с языка. Будто всегда там было. Но откуда он его знает — непонятно.

Фрол кивнул, не выказывая удивления.

— Андрей — имя хорошее. Правильное. Только ты, Андрей, смотри — у нас тут именами не кидаются. У нас тут каждый второе имя носит. А первое где-то там остаётся, наверху, вместе с паспортами и квартирами. Понял?

— Не совсем.

— А ты поймёшь. Скоро.

Фрол подкинул в костёр обломок деревянной рамы — видимо, сносили когда-то старые двери, а обрезки остались. Искры взметнулись вверх, к чёрному от копоти потолку. Платформа находилась глубоко под землёй — Андрей понял это по гулу. Глухой, ровный, как дыхание спящего зверя. Сверху, сквозь десятки метров бетона и земли, доносился шум города. Машины, поезда, голоса — всё сливалось в один монотонный фон, который местные, должно быть, уже не замечали.

— Что это за место? — спросил Андрей. Голос хрипел — горло саднило, будто он кричал до того, как очнулся.

— Место? — Фрол усмехнулся, обнажив редкие жёлтые зубы. — Это, паря, государство в государстве. Республика потерянных душ. Бывшие, настоящие и будущие. Тут есть всё: своя власть, свои законы, своя вера и своя валюта. Только выхода нет.

— Как это — нет?

— А вот так. Выходы есть. Три штуки. Но они все под колпаком у Смотрителя. Захочешь уйти — спроси у него. Только он редко отпускает. Ему работники нужны.

Фрол замолчал, глядя на огонь. Андрей ждал. Вопросов было много — десятки, сотни — но он чувствовал, что задавать их все подряд нельзя. В этом мире свои правила. Своя цена на информацию.

— Кто такой Смотритель?

Фрол повернулся к нему. В жёлтом свете костра его лицо напоминало маску — морщины глубокие, как трещины в высохшей земле. Глаза — светлые, выцветшие — смотрели внимательно, даже пронзительно.

— А ты не спеши, — тихо сказал он. — Сначала ответь: откуда ты взялся? Кто тебя так?

Андрей покачал головой. Боль отозвалась в висках новой волной.

— Не помню. Ничего не помню.

— Совсем?

— Совсем. — Он помолчал, разглядывая свои ладони. Грязные, с вьёвшейся в кожу смазкой, с мозолями на основании пальцев. Рабочие руки. Или — военные. Ногти сломаны, под ними запёкшаяся кровь. Не его? Непонятно. — Помню, как очнулся на рельсах. Голова разбита. В карманах пусто. Потом пошёл на свет. Всё.

— А как оказался на путях?

— Не помню.

— Кто ударил?

— Не помню.

Фрол вздохнул. Долго и тяжело, как человек, который слышал подобные истории сотни раз и знает, что за ними обычно следует.

— Ладно. Допустим. А имя своё как вспомнил?

Андрей задумался. Это было странное ощущение — имя не всплыло из глубин памяти, его не выудили из обрывков воспоминаний. Оно просто было. Как цвет глаз или форма ушей. Часть него.

— Не знаю. Просто знаю, что Андрей.

— А фамилия?

— Нет.

— Откуда родом?

— Нет.

— Сколько лет?

Андрей поднял глаза к потолку. В темноте, между копчёными сводами, висели сталактиты — жёлтые, маслянистые, за десятилетия, наросшие на бетоне. Он вдруг понял, что вообще плохо представляет, как выглядит. Может, ему тридцать. Может, сорок. Может, все пятьдесят.

— Тоже не знаю.

Фрол вытащил из кармана телогрейки кисет с махоркой, свернул сигарку с удивительной для дрожащих пальцев ловкостью. Прикурил от головёшки. Выдохнул дым в потолок.

— Плохо, парень. Очень плохо. Здесь без памяти — как без ножа в лесу. Можно, конечно, прожить, только трудно. И опасно.

— Кто мне угрожает?

— А все.

Фрол замолчал. Докурил, растёр окурочок подошвой, встал. Андрей заметил, что старик припадает на левую ногу — сильно, с заметной хромотой.

— Пойдём, — сказал Фрол. — Покажу тебе наше царство. Заодно и решим, где тебя приткнуть. На платформе моё слово закон, но Смотритель всё равно о тебе узнает. А когда узнает — сам решит, жить тебе или... Ну, в общем, сам решит.

Они пошли вдоль платформы.

Место и правда, напоминало подземное царство. Станция — судя по архитектуре, конца сороковых, сталинский ампир с колоннами и лепниной — была превращена в гигантскую коммуналку. Вдоль стен тянулись нары из досок и поддонов, завешенные тряпками вместо ширм. Кое-где стояли железные бочки с дырами — самодельные печки-буржуйки, валил дым, уходил в вентиляционные шахты. В воздухе висела смесь запахов: махорка, тушёнка, пережжённое масло, моча, карболка, сырость. Смесь, которая может существовать только под землёй, без солнца и свежего ветра.

Люди провожали их взглядами. Молча. Настороженно. Андрей чувствовал эти взгляды кожей — колючие, оценивающие, как у зверей, которые не знают, друг перед ними или враг.

Фрол комментировал на ходу:

— Слева — семейный сектор. Там живут с жёнами и детьми. Да, и дети тут бывают. Рождаются. Растут. Без паспортов, без школ, без будущего. Справа — одинокие. Мужики в основном. Алкаши, наркоманы, асоциальные. Их Смотритель использует как рабочую силу. Туалет в конце платформы. Баня — раз в неделю, по пятницам. Еда — общая, раздаёт Вера.

— Вера?

— Увидишь. Она всем здесь заправляет по хозяйству. Баба — зверь. Смотрителю в подмётки не годится, но уважают её. Умеет готовить из г... — Фрол запнулся, кашлянул. — Из того, что дают. И людей понимает. Это тут главное.

Они прошли мимо группы мужчин, игравших в карты. Сидели на корточках вокруг ящика, вместо стола. Кто-то поднял голову — бритое лицо, шрам через всю щеку, тяжёлый взгляд. Посмотрел на Андрея. Андрей посмотрел в ответ. Ровно. Спокойно. Без вызова.

Мужчина отвёл глаза первым.

Фрол усмехнулся.

— Это хорошо. Глаз у тебя правильный. Смотритель таких ценит.

— А кто такой Смотритель на самом деле? — спросил Андрей, когда они отошли подальше. — Ты сказал — власть. Но власть всегда на чём-то держится. На деньгах, на силе, на информации. На чём его власть?

Фрол остановился. Огляделся. Наклонился к самому уху Андрея — так близко, что запах махорки и немытого тела ударил в ноздри.

— Он знает проходы, — прошептал старик. — Все. До одного. Вверх, в город. Вниз, в катакомбы. Туда, где спрятано то, о чём лучше не знать. Он контролирует все выходы и входы. Все ниточки, что связывают этот мир с тем. Хочешь еды — к нему. Хочешь лекарств — к нему. Хочешь новости с воли — к нему. Хочешь уйти — тем более к нему. А если он решит, что ты не нужен... — Фрол провёл ребром ладони по горлу. — И никто ничего не узнает. Тело бросят в старый тоннель. Крысы сделают своё дело.

— И никто не бунтует?

— А зачем? — Фрол развёл руками. — Сытые не бунтуют. А голодные — слабые. У нас тут пирамида, паря. Внизу — те, кто ничего не имеют. Выше — те, кто что-то умеют. Ещё выше — те, на кого Смотритель опирается. А на вершине — он сам. И его люди.

— Люди?

— Охрана. Бывшие мусора, бывшие военные. Как ты. — Фрол бросил быстрый взгляд на Андрея. — Только ты, похоже, из другой породы. Те смотрят как на добычу. А ты — как на цель.

Андрей не ответил. Они дошли до конца платформы, где за бетонной перегородкой начался настоящий тоннель — тёмный, без единого огонька, пахнувший древней сыростью и чем-то металлическим.

— Туда не ходи, — предупредил Фрол. — Там закрытая зона. Смотритель не любит любопытных.

— А что там?

— Поезда.

— Какие поезда?

— Мёртвые. — Фрол повернулся и пошёл обратно, даже не оглядываясь. — Пойдём. Сейчас Вера придёт. Она любит новых людей. Говорит, в каждом есть что-то живое.

Они вернулись к костру. Нары, где оставили Андрея, уже были заняты — на них сидела женщина лет пятидесяти, плотная, с короткой стрижкой, в телогрейке поверх фуфайки. В руках — алюминиевая миска с чем-то тёмным и парящим.

— Вот, — сказала она, не здороваясь. — Жри. Восстанавливай силы.

Андрей взял миску. Каша. Гречневая, с тушёнкой, жирная, горячая. Запах ударил в нос, и желудок скрутило спазмом — он вдруг понял, что не ел неизвестно сколько. Может, сутки. Может, двое. Может, больше.

— Спасибо, — сказал он и начал есть. Быстро, жадно, но без хлюпанья. Даже голодное тело помнило правила приличия. Или это не тело помнило — что-то другое.

Женщина смотрела. Не отрываясь. Андрей чувствовал взгляд, но не поднимал глаз — сначала нужно было утолить голод. Каша кончилась быстро. Он вытер миску куском чёрствого хлеба — хлеб пах плесенью, но он съел и его.

— Вера? — спросил он, поднимая глаза.

Она кивнула.

— Ты кто такой, парень?

— Андрей.

— Это я слышала. А кто ты такой — по жизни? Кем был? Чем занимался?

— Не помню.

Вера хмыкнула. У неё было лицо человека, которого трудно обмануть — крупные черты, глубокие складки вокруг рта, тяжёлые веки. Но в глазах — не злость. Усталость. Огромная, вековая усталость, которую не скрыть даже за самой грубой маской.

— Может, и к лучшему, — сказала она. — Память здесь — обуза. Тот, кто помнит свою прошлую жизнь, не выживает. Слишком много контрастов. Слишком много боли.

— А вы помните?

Вера усмехнулась.

— Я? Я помню. Но я — другое дело. Я себя нашла в служении. А ты себе ещё не нашёл.

Она встала, забрала миску, бросила в ведро с помоями, стоящее тут же.

— Фрол сказал, Смотритель захочет меня видеть, — сказал Андрей.

— Захочет. Обязательно. Но не сегодня. Сегодня он занят. — Вера помолчала. — Ты осторожнее с ним, парень. Он умный. Очень умный. Он видит людей насквозь. И если поймёт, что ты врешь... — Она не закончила.

— Я не вру.

— Это хорошо. Правда — лучшая защита. Особенно когда правды нет.

Она ушла. Фрол тоже куда-то исчез — то ли на обход, то ли спать. Андрей остался один у догорающего костра.

Огонь умирал медленно — сначала погасли языки пламени, остались угли, красные, пульсирующие, как живое сердце. Андрей смотрел на них и пытался вспомнить. Любокой крошечкой. Любокой образ.

Ничего.

Пустота.

Не то чтобы чёрная стена — скорее серая, как туман, который не рассеивается, как бы ты ни вглядывался. Иногда в этом тумане мелькало что-то — тень, силуэт, цвет. Но стоило сосредоточиться — исчезало. Ускользало. Как сон после пробуждения.

Он поднёс руки к лицу. Кожа сухая, в цыпках. Ногти обломаны. На правом запястье — странная татуировка. Маленькая, почти незаметная, если не присматриваться. Пять точек, расположенных как на игральной кости. Тюремная? Андрей не знал. Но палец помнил — он провёл по точкам, и внутри что-то дрогнуло. Не память. Ощущение. Как дежавю. Будто он видел эти точки раньше. И не просто видел — они что-то значили.

Пять точек. Координаты? Код?

Он закрыл глаза. Гул города сверху стал громче — или это кровь шумела в ушах? Андрей не понимал.

— Эй, новенький.

Голос — молодой, нахальный. Андрей открыл глаза.

Перед ним стоял парень лет двадцати пяти, в спортивных штанах и грязной олимпийке, с кривой усмешкой на прыщавом лице. За ним — двое таких же. Молодые, злые, голодные. Не столько голодные по еде — голодные по власти. По самоутверждению.

— Ты чей? — спросил парень.

Андрей посмотрел на него. Медленно. Как смотрят на насекомое, которое ещё не решили, давить или нет.

— Свой.

— Не понял.

— А что тут понимать? — Андрей встал. Тело слушалось идеально — никакой слабости, никакой дрожи. Только глухая боль в затылке, но она уже стала привычной, как плохая погода. — Я здесь новый. Ничей. Вам-то что?

Парень переглянулся со своими.

— Здесь так не работает, — сказал он. — Здесь каждый должен платить. За место, за еду, за воздух. Чем заплатишь?

Андрей шагнул вперёд. Всего один шаг, но парень отступил. Не потому что испугался — потому что инстинкт сработал быстрее головы. Андрей заметил это. И улыбнулся.

— Не бойсь, — сказал он спокойно. — Я никому не враг. Но и другом ничьим не стану, пока сам не решу.

Парень хотел что-то ответить, но сзади раздался голос — низкий, властный, как удар хлыстом.

— Отставить.

Все трое замерли. Даже Андрей, хотя голос не был обращён к нему.

Из темноты вышел мужчина. Лет сорока пяти, крепкий, в чёрной куртке без опознавательных знаков, с короткой стрижкой и тяжёлой челюстью. Глаза — ледяные, серые, как бетон. На поясе — кобура. Не пустая. Андрей это определил по тому, как мужчина двигался — чуть тяжелее справа, чтобы уравновесить вес оружия.

— Циркуль, — выдохнул прыщавый. — Мы ничего...

— Валите, — сказал мужчина, не повышая голоса. — Пока я не передумал.

Троица исчезла мгновенно. Словно их и не было.

Циркуль подошёл к костру, сел на корточки, взял головёшку, поворошил угли. Сделал всё это с той плавной, хищной грацией, которая бывает у людей, привыкших убивать. Не задумываясь. На автомате.

— Ты не бродяга, — сказал он, не поднимая глаз. — Руки у тебя не те. Реакция не та. И глаза не те. Кто ты?

— Андрей.

— Это имя. А кто ты — по сути?

— Не знаю. Память потерял.

Циркуль поднял голову. В его взгляде не было сомнения — только холодное, методичное любопытство.

— Проверим, — сказал он. — Встань.

Андрей встал.

— Руки подними. Как при сдаче.

Андрей поднял. Ладони вверх, пальцы разжаты.

Циркуль встал, подошёл вплотную. Очень близко — так, что Андрей чувствовал запах его одеколона. Дешёвого, резкого, сквозь который всё равно пробивался запах пота и пороховой смазки.

— Расслабься, — сказал Циркуль.

И ударил.

Без замаха, чисто, коротко — кулак пошёл в корпус, под дых. Андрей мог бы увернуться. Мог бы заблокировать. Мог бы ответить — с разворотом, с подсечкой, с перехватом. Тело просчитало все варианты за долю секунды. Но Андрей не сделал ничего. Принял удар. Согнулся, выпустив воздух, но устоял на ногах.

Циркуль отступил на шаг. Усмехнулся. Первый раз за вечер — усмехнулся.

— Мог бы уйти, — сказал он. — Почему не ушёл?

— Не хотел.

— Значит, умеешь. И умеешь контролировать. Это редкость. — Циркуль помолчал. — В моей команде нужны люди, которые умеют драться и не задают лишних вопросов. Ты подходишь.

— Я не нанимаюсь.

— А куда ты денешься? — Циркуль развёл руками. — Ты без памяти, без документов, без крыши. Жить будешь под мостом, питаться отбросами и каждую минуту ждать, что кто-то всадит тебе нож в печень. Или иди к Смотрителю. Но Смотритель сначала поломаёт тебя. А я — нет. Я предлагаю работу.

— Какую?

— Охрана. Бои. Иногда — поручения.

— Ты работаешь на Смотрителя?

Циркуль помедлил с ответом. Слишком долго для простого «да» или «нет».

— Смотритель — это власть, — наконец сказал он. — А власть надо уважать. Я уважаю. Но работаю на себя.

Андрей посмотрел на огонь. Угли почти погасли, только редкие красные точки тлели в пепле. Как глаза зверя в темноте.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

— Думай. Но быстро. — Циркуль повернулся и ушёл в темноту, не оглядываясь.

Андрей остался один.

Он сел на нары, обхватил голову руками. Боль пульсировала в затылке, в висках, в глазах — везде. И сквозь эту боль пробивалась мысль. Тонкая, как лезвие.

Он ударил, чтобы проверить. Значит, ему важно знать, военный я или нет. А если военный — чей. Свой или чужой.

Но откуда в подземелье, где живут бродяги, человек, который проверяет людей на военную подготовку?

И почему Циркулю нужны бойцы, если он работает на себя?

Против кого он собирается воевать?

Вопросы роились, как мухи над помойкой. Ответов не было.

Только голос внутри — тот самый, который шептал про золото, — теперь шептал другое: *Не доверяй никому. Ни Фролу. Ни Вере. Ни Циркулю. Особенно — Смотрителю.*

Ты здесь не случайно.

Ты здесь за чем-то.

Андрей лёг на нары, закрыл глаза. Гул поездов сверху стал тише — или это уши привыкли? Он не знал. Он знал только одно: завтра начнётся что-то новое. И это новое может стоить ему жизни.

Он улыбнулся в темноту.

В конце концов, у него всё равно нет ничего, кроме жизни.

И тайны.

Огромной, жёлтой, тяжёлой, как слиток золота.

Тайны, которую он когда-то знал.

И которую обязательно вспомнит.

Даже если для этого придётся пройти через всё это подземелье — от первого тоннеля до последнего.

Он заснул под монотонный стук колёс. Сон был без сновидений. Чёрный. Глубокий. Как та самая пропасть, куда падают те, у кого нет имени, нет памяти, нет будущего.

Но в этом сне не было страха.

Была только злость.

Глубокая, холодная, профессиональная злость человека, которого предали.

Он не помнил, кто и как.

Но тело помнило.

И тело ждало своего часа.

Глава 2. Хозяин теней

Сон кончился выстрелом.

Андрей вскочил, не открывая глаз — тело среагировало быстрее мозга. Кулаки сжаты, плечи развёрнуты, центр тяжести смещён вперёд, на подушечки стоп. Боевая стойка. Готовая к атаке. Готовая к убийству.

Но выстрела не было.

Тишина. Только угли шипят, и где-то в темноте кашляет старик.

Андрей открыл глаза.

Платформа жила своей обычной ночной жизнью. Кто-то спал, кто-то ворочался, кто-то шептался у дальней стены. Никто не стрелял. Никто не нападал.

Сон. Просто сон.

Он опустил руки. Сердце колотилось где-то в горле, ладони взмокли. Андрей посмотрел на них — грязные, с обломанными ногтями, но пальцы не дрожали. Странно. После такого сна должны дрожать. Должна быть слабость. А тут — только холодная, собранная готовность.

Кем же я был?

Он сел на нары, обхватил колени руками. Холодно. Под землёй всегда холодно — бетон вытягивает тепло, как вампир. Даже костёр не спасает. Даже телогрейка, воняющая чужой жизнью, не греет по-настоящему.

— Не спится?

Голос — женский, тихий. Андрей поднял голову. Вера сидела напротив, на перевёрнутом ящике, и курила. Сигарета без фильтра, самокрутка, дым тянется вверх, к чёрному потолку.

— Выстрел приснился, — сказал Андрей. — Проснулся.

— Бывает, — она кивнула, выпустила дым через нос. — Здесь многим снится. Только редко кто просыпается. Замерзают.

— А мне повезло?

— Посмотрим. Ночь покажет.

Вера докурила, затушила окурком о подошву валенка, спрятала в карман. Порядок. Чистота. Женщина, привыкшая к дисциплине. Может, из персонала? Может, из заключённых? Андрей не мог определить. Но чувствовал — за ней что-то есть. История. Тайна.

— Вы знаете, кто я? — спросил он напрямую. — Фрол сказал, вы всех здесь знаете.

— Фрол много говорит, — ответила Вера. — Я не всех знаю. Я всех чувствую. Это разные вещи.

— И что вы чувствуете во мне?

Она помолчала. Долго. Так долго, что Андрей уже решил — не ответит. Но ответила. Тихо, глядя куда-то в сторону, в темноту.

— Чужого. Ты не отсюда, парень. Ты не из тех, кто сдался. У нас здесь живут те, кто сдался. Кто бросил бороться. Кто принял, что жизнь кончилась. А ты — нет. Ты ещё дерёшься. Во сне, наяву. Ты даже не знаешь, за что дерёшься, а дерёшься. Это опасно.

— Почему?

— Потому что Смотритель не любит тех, кто дерётся без причины. Он любит предсказуемость. Людей, которых можно купить. Которым можно дать дозу, бутылку, кусок хлеба — и они твои. А тебя не купишь. Потому что ты сам не знаешь, чего хочешь. А незнающий — неуправляемый.

— Меня уже пытались купить. Циркуль предлагал работу.

Вера усмехнулась. Усмешка вышла горькой, как полынь.

— Циркуль... этот купит кого угодно. Себя не купит — других купит. Ты ему не верь. Он слуга. Думает, что хозяин, а на самом деле — слуга. Самый преданный пёс Смотрителя. Просто кость погрызть даёт.

— А кто тогда настоящий хозяин?

— Смотритель. — Вера встала. — И ты его скоро увидишь. Только не вздумай ему врать. Он ложь чует за версту. Как собака — страх. Он на этом и держится.

Она ушла. Андрей остался один, считая удары своего сердца.

Следующие несколько часов он не спал. Сидел, смотрел на угли и пытался собрать себя заново — как мозаику, от которой осталось пять кусочков.

Он знал своё имя — Андрей. Это что-то давало, но почти ничего.

Он знал, что умеет драться. Умеет убивать. Умеет терпеть боль и ждать.

Он знал, что его ударили по голове — намеренно, сильно, сзади.

Он знал, что до того, как очнуться на рельсах, он искал золото. Или знал про золото. Или золото было ключом к чему-то большему.

Всё.

Остальное — пустота.

Он потрогал повязку на голове. Бинт пропитался кровью, засохшей, чёрной. Рана под ним ныла, но не гноилась — Вера обработала её чем-то едким, должно быть, марганцовкой или перекисью. Рука у неё лёгкая, умелая. Скорая помощь на дне.

Почему она здесь? — подумал Андрей. — Женщина с руками медсестры, с глазами сыщика, с манерами хозяйки лагеря. Почему она не наверху, в белом халате, а здесь, в подземелье, среди бродяг и отбросов?

Проиграла? Сбежала? Или её сослали?

Вопросы накапливались, как мусор в углу. Андрей не знал, как их сортировать. Не знал, какие важные, а какие — пустая трата времени. Всё, чему его учили — а учили многому, тело помнило это, — всё это было бесполезно без главного: без цели.

Он был солдатом без приказа. Псом без хозяина.

И это пугало больше, чем любой враг.

Утро в подземелье наступало не с солнцем, а со звуком.

Ровно в шесть — Андрей понял это по внутренним часам, которые работали, даже когда память спала — где-то в глубине тоннеля загудела вентиляция. Гулко, низко, как струна контрабаса. И следом загудели люди. Зашевелились, закашляли, зашаркали.

Мир просыпался.

Фрол появился с кружкой чая — чёрного, сладкого, с мятой. Протянул Андрею.

— Пей, — сказал. — Силы нужны. Сегодня Смотритель зовёт.

Андрей взял кружку. Чай обжог пальцы, но он не выпустил. Боль была приятной — она напоминала, что он жив.

— Когда?

— После завтрака. Я провожу. — Фрол присел рядом, понизил голос. — Ты слушай меня, паря. Сейчас я тебе скажу главное. Смотритель — он как паук. Сидит в центре паутины и ждёт. Каждое слово твоё — ниточка, по которой он поймёт, кто ты. Каждый взгляд — сигнал. Не смотри ему в глаза долго. Не отводи первым. Держись ровно. И не проси. Никогда не проси.

— Что он хочет услышать?

— Правду. Только правду. Даже если ты сам её не знаешь, говори как есть. Он это оценит. Врёшь — пожалеешь.

Андрей допил чай, отдал кружку.

— Понял.

— Дай-то бог, — сказал Фрол и перекрестился мелко, быстро, как старoverы.

Завтрак был тем же, что и ужин — каша, хлеб, вода. Андрей ел молча, не поднимая глаз. Чувствовал на себе взгляды — много взглядов. Кто-то с любопытством, кто-то с враждебностью, кто-то — с животным, голодным интересом хищника, оценивающего, можно ли сожрать.

Он не обращал внимания.

Внутри нарастало странное спокойствие. То, которое бывает перед боем. Когда адреналин уже в крови, но ещё не управляет телом. Когда разум холоден как лёд, и каждая секунда растягивается в вечность.

Интересно, — подумал Андрей, — я всегда был таким перед опасностью? Или это новое качество — родиться заново и не бояться смерти, потому что ты уже однажды умер?

Он не знал.

И это незнание стало его оружием.

Фрол пришёл за ним ровно в девять.

— Пошли, — сказал коротко, и Андрей пошёл следом, не задавая вопросов.

Они миновали платформу, прошли мимо спящих, мимо играющих в карты, мимо женщины с ребёнком, которая сидела на том же месте, где и вчера, и качала младенца, глядя в пустоту. Прошли в тупик, где начиналась старая багажная. Там была дверь — железная, ржавая, с кодовым замком.

Фрол набрал код. Андрей отвернулся. Не из вежливости — из инстинкта. Он не должен был напоминать. Он не хотел знать того, за что его могут убить.

Дверь открылась. За ней — коридор. Узкий, длинный, выложенный белым кафелем — когда-то, должно быть, служебное помещение. Лампочки — редкие, тусклые — горели через одну. Пол скользкий, сырой. Пахло хлоркой и чем-то сладковатым — лекарствами, что ли?

— Не отставай, — бросил Фрол через плечо. — И ничего не трогай.

Они шли минут пять. Коридор вилял, разветвлялся, но Фрол шёл уверенно, без колебаний. Знал путь. Проходил его сотни раз.

Потом ещё одна дверь. Деревянная, тяжёлая, с бронзовой ручкой. Неожиданно дорогая для этого места. Фрол постучал — три удара, пауза, два.

— Войдите, — сказал голос изнутри.

Голос был негромким, даже мягким. Но Андрей почувствовал — за этой мягкостью сталь. Каленая, заточенная. Голос человека, который привык, чтобы его слушались. Не боялись — слушались. Это высший пилотаж власти.

Фрол открыл дверь, шагнул в сторону, пропуская Андрея.

— Заходи, паря, — шепнул. — Я здесь подожду.

Андрей вошёл.

Комната оказалась просторной — гораздо больше, чем можно было ожидать по тусклому коридору. Метров пятьдесят, не меньше. Стены обиты тёмным деревом — панели, скорее всего, снятые с какого-нибудь старого поезда. Мебель — массивная, тяжёлая, в стиле «сталинский ампи́р». Письменный стол, кресло, несколько стульев. На стенах — карты. Много карт. Схемы метро, железных дорог, городских коммуникаций. Некоторые — старые, пожелтевшие, другие — современные, распечатанные на принтере.

И портрет.

Большой, в раме, на центральной стене. Портрет человека в прокурорской форме. Молодого, с жёстким взглядом и сжатыми губами.

Андрей узнал его мгновенно. Не лицом — осанкой, энергией. Как узнаёшь врага даже в темноте, по одному только запаху.

Это был Смотритель.

Но сам Смотритель сидел за столом. И он оказался совсем не похож на портрет.

Старик. Лет семидесяти, не меньше. Сухой, жилистый, с глубокими морщинами на лице — как трещины на древней иконе. Глаза — живые, острые, серые, как у того, кого Андрей

видел вчера — у Циркуля. Только у Циркуля глаза были холодными, а у этого — ледяными. Абсолютный ноль. Температура, при которой замерзает всё — страх, надежда, жалость.

— Андрей, — сказал Смотритель. Без вопросительной интонации. Утверждение. — Садись.

Он указал на стул напротив стола. Андрей сел.

Смотритель смотрел на него долго. Молча. Так, что даже стены начали давить. Но Андрей не отвёл взгляда. Не смотрел в глаза — чуть ниже, на переносицу. Уважительно, но без подбострастия. Фрол учил хорошо.

— Фрол сказал, ты потерял память, — наконец произнёс Смотритель. — Это правда?

— Да.

— Всё? Совсем всё?

— Всё, кроме имени. И некоторых навыков.

— Каких?

— Драться. Терпеть боль. Ориентироваться в темноте.

Смотритель кивнул — без одобрения, просто как факт.

— Значит, военный. Или бывший. — Он помолчал. — Кто тебя ударил?

— Не знаю.

— Где?

— На рельсах. Возле тупика.

— Зачем?

— Не знаю.

Смотритель встал. Подошёл к картам, стоя спиной к Андрею. Пауза затягивалась. Андрей чувствовал — это часть игры. Его проверяют на нервы. Он не дёргался. Сидел, смотрел на портрет на стене, ждал.

— Здесь, — наконец сказал Смотритель, не оборачиваясь, — все что-то потеряли. Жизнь. Совесть. Человеческий облик. Ты потерял память. Это и много, и мало. Много — потому что без памяти ты не опасен. Мало — потому что без памяти ты бесполезен.

— Я могу быть полезным, — сказал Андрей.

— Чем?

— Работой. Тем, что умею.

Смотритель резко повернулся. Глаза сузились, лицо стало хищным.

— А что ты умеешь, Андрей? Драться? Убивать? Здесь каждый второй умеет убивать. Вопрос не в умении. Вопрос в том, ради чего. Ради чего ты готов убивать?

Андрей задумался. Не потому что не знал ответа — а потому что ответ был страшен в своей простоте.

— Ради выживания, — сказал он. — Сейчас — ради выживания. Потом — посмотрим.

Смотритель усмехнулся. Первый раз за разговор. Усмешка вышла кривая, неприятная, как трещина на льду.

— Честно. Это хорошо. Я люблю честных. Они предсказуемы. — Он вернулся за стол, сел, сложил пальцы домиком. — У меня к тебе предложение, Андрей. Ты остаёшься здесь. Живёшь, ешь, спишь. Взамен работаешь. Работу даст Циркуль. Он мой человек, хоть и думает, что свой. Будешь выполнять приказы — выживешь. Нет — сгниешь в тоннеле. Всё просто.

— А если я захочу уйти?

— Уйти? — Смотритель поднял бровь. — Куда? Наверх? С пустой головой, без документов, без денег? Ты даже не знаешь, кто ты. В лучшем случае закончишь в психушке. В худшем — в морге. Здесь у тебя есть шанс. Маленький, но есть.

— И что я должен делать?

— Пока — ничего. Привыкай. Смотри. Слушай. Запоминай. Через неделю Циркуль даст первое задание. — Смотритель помолчал, вглядываясь в Андрея, как в стекло. — А пока —

иди. И запомни, Андрей. Я всё вижу. Всех. Всегда. Если ты врёшь — я узнаю. Если ты что-то скрываешь — я узнаю. Если ты против меня — я узнаю раньше, чем ты сам решишь.

Андрей встал. Коснулся рукой груди — легкий поклон, не ниже.

— Я не враг, — сказал он. — Я просто человек, который хочет жить.

— Посмотрим, — ответил Смотритель и отвернулся к картам, показывая, что аудиенция окончена.

Фрол ждал в коридоре. Молча повёл обратно. Только когда они вышли на платформу, спросил:

— Ну?

— Жить буду, — сказал Андрей. — Пока.

— Это уже много, — кивнул Фрол. — Здесь и это — много.

Они вернулись к костру. Андрей сел, протянул руки к огню. Пальцы грелись медленно, с неохотой — как будто холод вьелся в кости.

В голове крутился один образ. Портрет на стене. Молодой прокурор с жёстким взглядом. И старик, сидящий под этим портретом.

Он был прокурором, — подумал Андрей. — Теперь он криминальный авторитет. Что случилось? Почему он здесь? Почему он не на свободе?

И главное, — какое отношение ко всему этому имею я?

Ответов не было. Но появилось новое чувство.

Не страх. Не надежда.

Азарт.

Азарт охотника, который вышел на след. Ещё не знает, чей след — зверя или другого охотника. Но знает — это след. И он приведёт к чему-то важному.

Андрей улыбнулся.

— Что лыбишься? — спросил Фрол, косясь на него.

— Солнце вспомнил, — ответил Андрей. — Тёплое. Настоящее.

Фрол перекрестился.

— Ты, парень, того. Того. Не сходи с ума. У нас тут каждый второй того. А ты пока — ничего. Побудь ничего подольше.

Андрей кивнул и устался на огонь.

Впервые за два дня он почувствовал, что жив не просто телом. Жив чем-то ещё.

Целью.

Смутной, далёкой, непонятной — но целью.

И это было важнее любого золота.

Глава 3. Чужие среди своих

Первые три дня в анклавe превратились в серую однородную массу, где прошлое не имело значения, а будущее умещалось в промежуток между завтраком и ужином. Андрей привыкал. Или делал вид, что привыкает.

Он научился просыпаться от гула вентиляции, есть кашу без соли, пить чай с привкусом мазута и не морщиться. Научился не обращать внимания на запахи — кислый пот, прелая солома, карболка. Научился ходить по платформе так, чтобы не наступать на спящих, не задевать локтями чужое пространство, не привлекать лишнего внимания.

Но внимание всё равно привлекалось.

— Новенький идёт, — шептались за спиной. — Смотри, как ступает. Не шаркает. Тихо. Волк, наверное. Или мент.

— Какой мент? Менты наверху, в тепле. А это — оборотень.

— Смотритель его не тронул. Значит, нужный.

— Все мы нужные. Пока.

Андрей делал вид, что не слышит. Шёл к своей лежанке у костра, садился, смотрел на огонь. Огонь был единственным, что не требовало объяснений. Просто горел. Просто давал тепло. Просто жил своей жизнью, независимой от людей и их интриг.

На четвёртый день за ним пришёл Циркуль.

— Одевайся, — сказал он, бросив на нары свёрток. — Работа есть.

Андрей развернул — чёрная куртка, почти новая, плотные штаны, берцы. Не его размер — великоваты, но носить можно.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Отработаешь.

Они вышли через боковой тоннель — тот, который Андрей ещё не видел. Узкий, низкий, с капающей с потолка водой. Идти пришлось, согнувшись, в три погибели. Циркуль шёл впереди, не оглядываясь, его мощная фигура загораживала слабый свет налобного фонаря.

— Куда идём? — спросил Андрей.

— Наверх.

— Наверх — это куда?

— В город. За вещами.

Через пятнадцать минут они вылезли через люк в заброшенном подвале. Пахло мышами, плесенью и свободой — тем странным, сладковатым запахом воздуха, который бывает только на поверхности. Андрей замер на мгновение, закрыл глаза, вдохнул полной грудью.

Ветер. Настоящий ветер. Не вентиляция.

— Отвык? — усмехнулся Циркуль.

— Нет. Вспомнил.

— Что?

— Что я дышал этим раньше.

Они вышли во двор. Пустырь, заваленный строительным мусором, забор, гаражи. Раннее утро, город ещё не проснулся. Андрей огляделся — высотки на горизонте, трубы ТЭЦ, чайки над свалкой. Место казалось смутно знакомым. Не детали — общее ощущение. Будто он здесь уже был. И не раз.

— Не зависай, — бросил Циркуль. — Идём.

Они пересекли пустырь, перелезли через забор, вышли к гаражному кооперативу. Циркуль достал ключ, открыл один из гаражей. Внутри — старенькая «Нива», ободранная, но на ходу. В багажнике — коробки.

— Что это? — спросил Андрей.

— Лекарства. Антибиотики, обезболивающие, перевязочные материалы. Смотритель их достал. Надо перевезти вниз.

— Почему я?

— Потому что я сказал.

Они грузили коробки молча. Андрей работал быстро, без лишних движений — поднимал, переносил, укладывал. Тело работало как механизм, чётко и слаженно. Циркуль наблюдал.

— Ты это делал раньше, — сказал он, когда они закончили.

— Что именно?

— Грузчиком не был. Слишком аккуратно. Слишком тихо. Ты военный. Или из охраны. Кто учил?

— Не помню.

— Врёшь.

Андрей поднял на него глаза.

— Зачем мне врать? Я ничего не знаю о себе. Совсем. Если ты можешь сказать мне, кто я — скажи. Буду благодарен.

Циркуль помолчал. В его ледяных глазах мелькнуло что-то похожее на сомнение. Но только на секунду.

— Ладно. Верю. Пока. — Он захлопнул багажник. — Погнали обратно. Ты поведешь.

— Я?

— Ты слышал.

Андрей сел за руль. Руки легли на баранку привычно, без колебаний. Ноги нашли педали. Он повернул ключ — двигатель завёлся с пол-оборота.

И в этот момент пришло воспоминание.

Не картинка — ощущение. Скорость. Темнота. Кто-то рядом, тяжело дышит. Фары выхватывают из темноты рельсы. Много рельсов. И запах — железо, масло, страховой пот.

Андрей тряхнул головой. Видение исчезло.

— Ты в порядке? — спросил Циркуль.

— Да. Всё нормально.

Он выехал со двора. Ехал молча, сосредоточенно, не нарушая правил. Циркуль смотрел на дорогу, потом на него, потом снова на дорогу.

— Ты водишь лучше меня, — сказал он. — Профессионально.

— Может быть.

— Кто же ты такой?

Андрей не ответил. Он и сам хотел бы знать.

Они вернулись в подземелье через другой вход — техническую дверь у старых путей. Коробки перетаскали в склад, который находился рядом с платформой. Циркуль расписался в какой-то бумажке, сунул её в карман.

— Всё, — сказал он. — Сегодня свободен. Завтра в шесть утра быть здесь же. Будешь учиться.

— Чему?

— Драться. Настоящему бою. Не тому, что ты показывал в первую ночь.

— А что я показывал?

— Рефлексы. А нужна техника. Технику ты забыл. Тело помнит, но голова не управляет. Будем возвращать.

Андрей кивнул. Уходить не хотелось — внутри зудело желание спросить. Спросить про Смотрителя, про золото, про тот поезд, который пропал десять лет назад. Но он сдержался.

Вопросы — роскошь. Особенно здесь.

Ночью он опять не спал.

Сидел у костра, смотрел на угли, слушал, как дышат спящие люди. Где-то в глубине тоннеля застонала женщина — тихо, надрывно. Ей не приснился сон. Ей снилась жизнь.

— Не спится? — спросила Вера, подходя сзади. Она, как всегда, появлялась бесшумно, словно тень.

— Не спится.

— Мысли?

— Мысли.

Она села рядом, протянула кружку. Андрей взял — чай, тёплый, сладкий. Спасибо не сказал. Она и не ждала.

— Сегодня ты был наверху, — сказала Вера. Это не было вопросом.

— Да.

— Что чувствовал?

— Ветер.

— Ещё?

— Запах. Свободы.

— Свобода пахнет не так, как ты думаешь, — она усмехнулась в темноту. — Свобода пахнет страхом. Страхом перед неизвестностью. Когда у тебя ничего нет, свобода — это проклятие. А когда есть что терять — роскошь.

— А у тебя есть что терять?

Вера помолчала. Долго. Так долго, что Андрей подумал — не ответит.

— Было, — наконец сказала она. — Потеряла. Теперь нечего.

— Как ты здесь оказалась?

— Как все. Сверху упала. — Она встала. — Спи, Андрей. Завтра тяжелый день. Циркуль будет тебя мучить.

Она ушла. Андрей допил чай, поставил кружку на бетонный пол. Лёг, закрыл глаза.

И сквозь дремоту услышал шаги. Тяжёлые, уверенные, не похожие на шаги бродяг.

Он не открывал глаз. Дышал ровно, как спящий. Шаги приблизились, остановились у самой лежанки. Кто-то склонился над ним — Андрей почувствовал дыхание, тёплое, с запахом дешёвого табака.

— Спи, мент, — прошептал голос. Мужской, незнакомый. — Спи пока. Проснёшься — пожалеешь.

Шаги удалились.

Андрей открыл глаза. Сердце колотилось ровно, как метроном. Он не спал. Он ждал.

И дождался.

Мент, — подумал он. — Они считают, что я из полиции. Или из ФСБ. Или из прокуратуры. Почему?

Что во мне такого, что выдаёт военного, но не простого?

Он провёл рукой по лицу, по щетине, по шраму на скуле — старый, белый, едва заметный. Шрам от ножа. Или от осколка. Тело помнило боль — он не помнил.

Завтра, — подумал он. — Завтра Циркуль будет учить меня драться. Посмотрим, чему он учит. И что я на самом деле забыл.

Утро началось с побудки.

Циркуль не пришёл — за Андреем явился его помощник, коротко стриженный парень по кличке Штырь. Молчаливый, злой, с глазами-щёлочками. Он кивнул Андрею, развернулся и пошёл. Андрей — за ним.

Они спустились ниже. Глубже, чем был Андрей когда-либо. Тоннель становился всё уже, потолок опускался, воздух густел, наполняясь запахом сырой земли и старого бетона.

— Стой, — сказал Штырь у железной двери. — Жди.

Он постучал — три удара, пауза, два. Тот же код, что и у кабинета Смотрителя.

Дверь открылась.

За ней оказался зал. Старый бомбоубежище — судя по рёбрам на потолке и гермодверям по бокам. В центре — импровизированный ринг. Верёвки из кабеля, пол из матрасов, набитых поролоном.

На ринге стоял Циркуль. Без куртки, в одной майке. Андрей впервые видел его тело — мускулистое, покрытое шрамами, с татуировками на руках и груди. Тюремные? Армейские? Андрей не мог разобрать в тусклом свете.

— Заходи, — сказал Циркуль. — Раздевайся до пояса.

Андрей снял куртку, майку. Циркуль осмотрел его — медленно, внимательно, как осматривают лошадь перед покупкой.

— Хорошее тело, — сказал он. — Но запущенное. Мышцы есть, но тонус слабый. Восстанавливать надо.

— Я не просил быть твоим учеником.

— А кто тебя спрашивал? — Циркуль шагнул вперёд, встал в стойку. Руки подняты, вес на передней ноге. Бокс. Классический, с небольшими отклонениями. — Давай. Покажи, что помнишь.

Андрей поднял руки. Стойка пришла сама собой — левая нога вперёд, правая сзади, кулаки у лица. Не боксёрская — универсальная. Армейский рукопашный бой.

Циркуль усмехнулся.

— Начинаем.

Он атаковал первым. Серия — джеб, кросс, апперкот. Андрей ушёл в сторону, блокировал левой, пропустил удар по корпусу — больно, но терпимо. Ответил — коротко, в голову. Циркуль отклонился. Слишком легко. Словно знал, куда будет удар.

Они обменялись ещё несколькими сериями. Циркуль бил жёстко, профессионально, без жалости. Андрей защищался — иногда успешно, иногда нет. Его тело помнило приёмы, но голова не успевала за ними. Рефлексы включались с задержкой. Доля секунды — и удар уже в челюсти.

— Плохо, — сказал Циркуль, останавливаясь. — Ты думаешь. Не надо думать. Надо чувствовать.

— Я чувствую.

— Чувствуешь не то. Ты защищаешься, как новобранец. А надо — как машина. Без мыслей. Без страха.

— Я не боюсь.

— Вот это и плохо. Страх — это инструмент. Он обостряет рефлексы. А ты — пустой. Как выключенный прибор.

Циркуль подошёл к стене, взял бутылку воды, отпил. Протянул Андрею. Тот тоже отпил — вода была тёплой, с металлическим привкусом.

— У тебя был учитель, — сказал Циркуль. — Хороший. Такая стойка не рождается сама собой. Ты учился долго. Лет десять, не меньше.

— Может быть.

— Где? В спецназе? В разведке?

— Не помню.

— Удобно, — Циркуль усмехнулся. — Ничего не помнить. Ни за что не отвечать.

— Я отвечаю. За себя.

— Этого мало. — Он бросил бутылку на пол. — Продолжаем.

Час. Два. Три. Андрей потерял счёт времени. Они дрались, отдыхали, дрались снова. Циркуль не щадил — каждый удар был сильным, каждый приём — болевым. Андрей падал, вставал, падал снова. Тело ныло, губа была разбита, под глазом наливался синяк.

Но он улыбался.

Потому что в какой-то момент — на втором часу, когда усталость затмила сознание — он перестал думать. И тогда пришло то, что обещал Циркуль. Машинное состояние.

Он блокировал удар, которого не видел. Ушёл от подсечки, которой не ждал. Ответил серией, которая родилась не в голове — в позвоночнике, в мышцах, в древней памяти тела.

Циркуль отступил. Выдохнул.

— Есть, — сказал он. — Нашёл.

Андрей опустил руки. Дышал тяжело, но ровно.

— Что я сделал?

— Ты перестал быть человеком. На три секунды. Этого достаточно. — Циркуль подошёл, похлопал его по плечу — почти дружески. — Завтра в это же время. Будем учить дальше.

— Чему?

— Вспоминать, кем ты был.

Андрей оделся, вышел. Штырь ждал снаружи, проводил обратно. На платформе Андрей рухнул на нары и закрыл глаза.

Вера принесла ужин — кашу, хлеб, кружку чая. Поставила рядом, не сказав ни слова. Ушла.

Андрей не ел. Лежал, смотрел в потолок, слушал своё тело. Оно гудело, но не от боли. От удовлетворения.

Он вспомнил.

Не лицо учителя. Не место. Не обстоятельства.

Он вспомнил *чувство*. Чувство, когда тело работает идеально. Когда нет страха, нет сомнений, нет ничего, кроме цели. И когда цель достигается — ударом, блоком, движением.

Он был наёмником. Или спецназовцем. Или кем-то, кого учили убивать без колебаний.

Но главное — он был хорош в этом. Очень хорош.

И те, кто ударили его по голове, знали это. Поэтому ударили сзади. Не спереди — боялись.

Андрей сел, взял кружку. Чай остыл. Он выпил его залпом, не чувствуя вкуса.

Кто я? — спросил он в который раз.

И в этот раз ответа не было снова.

Но появилось предчувствие.

Скоро. Очень скоро он узнает.

Потому что память — это не архив. Это мышца. Её можно натренировать.

И он будет тренировать.

Каждый день.

Каждый час.

Каждый удар.

Пока не вспомнит всё.

И тогда — тогда он найдёт тех, кто ударил его сзади. И спросит.

Не словами.

Глава 4. Территория зверя

Утро пятого дня началось с того, что Вера разбудила Андрея раньше обычного.

— Вставай, — сказала она, тронув за плечо. — Сегодня я покажу тебе владения. Смотритель велел.

Андрей открыл глаза. Тело ломило после вчерашней тренировки — каждое движение отдавалось болью в непривычно натруженных мышцах. Но он поднялся без стопа, натянул куртку, зашнуровал берцы.

— Экскурсия? — спросил он.

— Знакомство с местностью, — ответила Вера. — Чтобы знал, где что. И где не стоит появляться без спроса.

Они пошли в другую сторону — не к тоннелям, где был кабинет Смотрителя, а в противоположную, где платформа расширялась и переходила в нечто вроде зала ожидания. Колонны, облупившаяся лепнина, остатки мраморного пола. Над головой — огромное окно-витраж, давно забитое фанерой. Сквозь щели пробивался тусклый свет — уличный, настоящий, с отблеском солнца.

— Это главный зал, — сказала Вера. — Раньше здесь был вестибюль. Сейчас — общая столовая. По праздникам — место собраний.

«Столовая» выглядела убого. Длинные столы из неструганых досок, скамейки из тех же досок. На столах — алюминиевые миски, ложки, кружки. В углу — железная бочка с водой, в другой — бочка с кашей, уже остывшей, затянувшейся плёнкой жира.

Несколько человек завтракали. Молча, торопливо, не глядя друг на друга. Андрей заметил, что еду никто не благословлял, не благодарил. Ели как звери — потому что завтрашний день мог не принести еды.

— Кормит Смотритель, — пояснила Вера. — Он организовал поставки. Сухарные заводы, склады МЧС, иногда гуманитарка. Делится не щедро, но ровно. Каждому поровну.

— И чем он за это платит?

— Ничем. Он здесь хозяин. Хозяину не платят. Платят ему.

Они двинулись дальше. Вера вела методично, как экскурсовод — и в этом было что-то жуткое. Словно она показывала достопримечательности ада.

— Тут баня, — она указала на дверь с жестяной табличкой, где красной краской было выведено: «Мойка». — Раз в неделю. Вода греется в бочках над костром. Мыло — хозяйственное, одно на всех. Полотенец нет, сушимся на сквозняке.

— Палата мер и весов, — усмехнулся Андрей.

— Не смейся. Здесь это важно. Грязный быстрее болеет. А больной — обуза. У нас нет лекарств на всех.

Они прошли мимо больничного отсека — комнаты, отгороженной ширмой из старых одеял. Там на нарах лежали двое. Один — старик с жёлтым лицом, дышал тяжело, хрипло. Второй — парень лет двадцати, без ноги. Культя была перевязана грязными тряпками, пахло гнилью.

— Почему ему не ампутировали нормально? — спросил Андрей.

— Нечем, — ответила Вера. — Ни инструментов, ни антибиотиков. Ждём, когда умрёт. Или когда Смотритель разрешит вынести.

— Разрешит?

— Он решает, кому жить. Если человек бесполезен — его не лечат. Экономят силы и лекарства.

Андрей посмотрел на парня. Тот спал — или был без сознания. Лицо белое, восковое. Глаза закрыты, губы шевелятся. Молится? Или бредит?

— Пойдём, — сказала Вера. — Дальше.

Они спустились ниже — по лестнице, вырубленной в бетоне. Вторая платформа. Меньше, темнее, сырее. Здесь пахло не просто бедностью — пахло отчаянием. Люди сидели вдоль стен, не двигаясь, не разговаривая. Просто сидели. Глаза открыты, но в них — ничего.

— Это нижний круг, — сказала Вера. — Здесь живут те, кто сдался окончательно. Кто не работает, не ест, не ждёт. Смотритель их не трогает — они не опасны. Они просто ждут смерти. Она придёт.

— Зачем ты мне это показываешь?

— Чтобы ты понял, куда попал. Здесь нет дна. Есть только уровни падения. Наверху — ты, новенький, ещё держишься. Ниже — те, кто держался, но сломался. Ещё ниже — те, кого сломали. И самое дно — там, куда Смотритель сбрасывает врагов.

— Где это дно?

— Ты не хочешь это знать, Андрей. Поверь.

Они поднялись обратно. Вера показала склад — огромное помещение, забитое ящиками и коробками. Туда Андрей уже заходил с Циркулем. Показала вентиляционную шахту — широкую, с лопастями, которые медленно вращались, гоня спёртый воздух.

— Через неё можно выбраться? — спросил Андрей.

— Нельзя. Она ведёт в трубу, а труба выходит на крышу вокзала. С решёткой. И там — камера. Смотритель видит всё.

— Везде камеры?

— Везде, где есть выходы. И в некоторых местах, где нет выходов.

Андрей огляделся. Камер он не замечал — ни красных огоньков, ни линз. Но верил. В этом мире вера подменяла знание.

К вечеру он вернулся к своему костру. Фрол подсел, спросил:

— Ну как, показали тебе рай?

— Показали, — Андрей помешал угли палкой. — Красиво.

— Ты иронизируешь, паря. Зря. Ирония — это память. Память о том, что когда-то было лучше. А лучше не вспоминать. Забудь. Живи здесь. Здесь — просто.

— Просто умирать, — поправил Андрей.

— И это просто. Со временем.

Ночь прошла спокойно. Андрей спал крепко, без снов. Или со снами, но не теми, что запоминаются.

На шестой день Циркуль сказал:

— Сегодня отдыхаешь. Завтра первый бой.

— Бой? С кем?

— С таким же, как ты. Одиночка. Правила простые — пока один не сдастся или не упадёт. Без оружия. На ринге.

— Зачем?

— Смотритель любит зрелища. И проверяет новых. Твой черёд.

Андрей кивнул. Спросил только:

— Если я проиграю?

— Если проиграешь — ничего. Тебя не убьют. Но репутация упадёт. А репутация здесь — валюта. Без неё ты никто.

— А если выиграю?

— Заметят. Это и хорошо, и плохо. — Циркуль помолчал. — Ты готов?

— Готов.

Но готов ли он был на самом деле — Андрей не знал. Он не помнил, как дерется в настоящем бою. Тренировки — одно. Бой, где противник не щадит, где каждый удар может стать последним, — другое.

Всё, что оставалось — верить телу.

Утром седьмого дня Штырь привёл его в бомбоубежище. Ринг был готов. Вокруг стояли зрители — человек двадцать. Вера, Фрол, несколько охранников Смотрителя, пара бездомных, которые, видимо, пришли поглазеть. Циркуль сидел в углу на табурете, наблюдал.

Противник уже ждал. Высокий, под два метра, с бритой головой и бычьей шеей. Руки — как кувалды, пальцы в татуировках. Глаза — маленькие, свинячьи, бегающие.

— Это Хрящ, — шепнул Штырь. — Бывший десантник. Три боя — три победы. Смотритель его любит.

Андрей разделся до пояса. Вышел на ринг. Хрящ смотрел на него сверху вниз, скалился.

— Новенький, — прогудел он. — Мягонький. Я тебя поломаю, цветочек.

Андрей молчал. Стойка — левая нога вперёд, кулаки у лица. Дышать ровно. Глаза — в глаза противнику, но расфокусировано, чтобы видеть всё тело.

Циркуль поднял руку.

— Начали.

Хрящ атаковал сразу. Мощно, без разведки — правый прямой в голову. Андрей ушёл под удар, нырнул влево, ответил — джеб в корпус. Хрящ даже не охнул. Удары, которые на тренировке заставили бы Циркуля отступить, для Хряща были как комариные укусы.

— Слабак, — усмехнулся Хрящ. — Мамка не кормила?

Он пошёл вперёд, как таран. Андрей отступал, уходил, блокировал. Каждый удар Хряща заставлял дрожать всё тело — сила была огромная. Если такой попадёт в голову — бой закончен.

Не думать, — сказал себе Андрей. — Чувствовать.

Он перестал анализировать. Позволил телу двигаться самому. Хрящ бил — Андрей уходил. Хрящ давил — Андрей скользил по рингу, как тень.

Зрители молчали. Даже не свистели.

Хрящ начал злиться. Удары стали чаще, но менее точными. Он открывался. Андрей ждал. Терпеливо, как волк.

И дождался.

Хрящ бросился в сокрушительную атаку — серия прямых, потом хук слева. Андрей не ушёл — он шагнул внутрь, в клинч, и врезал коленом в пах. Коротко, сильно, точно.

Хрящ охнул, согнулся.

Андрей добил — правый в челюсть, левый в висок, ещё правый. Хрящ рухнул, как подкошенный. Ринг задрожал.

Тишина.

Циркуль поднял руку.

— Победа.

Зрители молчали. Потом захлопали — нестройно, удивлённо. Вера улыбнулась. Фрол перекрестился.

Хрящ лежал, не двигаясь.

— Живой? — спросил Андрей у Штыря.

— Живой.

Андрей спрыгнул с ринга, натянул куртку. Циркуль подошёл, посмотрел в глаза.

— Молодец, — сказал он. — Но не празднуй. Смотритель теперь тебя заметил всерьёз.

Этой ночью Андрей не мог уснуть.

Не от адреналина — он давно выветрился. Не от боли — синяки болели, но терпимо.

Не мог уснуть, потому что в голове крутилась одна мысль.

Он победил. Легко. Словно делал это сотни раз.

Кем же я был?

Мысль сверлила, не давала покоя. Андрей встал, огляделся. Платформа спала. Только угли тлели, да сторож — старик с клюкой — дремал у выхода.

Он решил прогуляться.

Тихо, бесшумно пошёл вдоль платформы. К зоне, которую ещё не видел — к старой багажной. Проход был узкий, без освещения. Андрей шёл на ощупь, но ноги помнили каждую неровность пола.

Багажная оказалась большим помещением, заваленным хламом. Чемоданы, ящики, старые вещи — всё это десятилетиями собиралось здесь, пахло плесенью и мышами. Андрей побродил между кучами, бесцельно, просто чтобы успокоить нервы.

И вдруг заметил.

В дальнем углу, за грудой рваных матрасов, что-то блеснуло. Металлическое. Он подошёл, разгрёб хлам.

Камера.

Маленькая, чёрная, с тускло мигающим красным огоньком. Запись.

Андрей замер. Провёл рукой по стене рядом — ещё одна. И ещё. Вся багажная была утыкана камерами. Но они были спрятаны так умело, что он их не заметил с первого раза.

Смотритель всё видит, — вспомнил он слова Веры. — Везде, где есть выходы.

Но багажная не была выходом. Багажная была тупиком.

Значит, камеры везде. Абсолютно везде.

Андрей медленно повернулся. Посмотрел в объектив самой ближней камеры. Секунду смотрел прямо, не моргая.

Потом развернулся и пошёл обратно.

На полпути к платформе его перехватили.

Четверо в чёрных куртках. Без масок, но с битами. Молодые, злые, с одинаковыми стрижками «ёжик». Охрана Смотрителя.

— Гуляешь, — сказал первый, с родимым пятном на щеке. — Ночью. Один.

— Дышу воздухом, — ответил Андрей. — Проблемы?

— Проблемы у тех, кто лезет не туда. А ты полез.

— Я был в багажной. Там нет запрета.

— Теперь есть. — Пятнистый усмехнулся. — Смотритель хочет тебя видеть. Живо.

— Сейчас ночь.

— Смотритель не спит. А ты — тем более.

Они окружили его. Близо, угрожающе. Андрей оценил дистанцию — четверых он мог уложить. За десять секунд. Может, за пятнадцать. Но что потом? Побег? Куда? Наверх, без документов, без денег, без памяти?

Он поднял руки.

— Без глупостей. Я иду.

Охранники переглянулись. Удивились — видимо, ждали сопротивления. Пятнистый кивнул, и они повели Андрея по коридору. Не к кабинету Смотрителя — в другую сторону, вниз, в ту самую глубину, о которой говорила Вера.

— Куда мы идём? — спросил Андрей.

— В карцер, — ответил Пятнистый. — Переночуешь. А завтра Смотритель сам решит, что с тобой делать.

Карцер оказался бетонным мешком два на два метра. Без окон, без света, с грязным полом и ржавой трубой, из которой капала вода. Дверь — железная, с засовом.

— Заходи, — сказал Пятнистый. — Отдыхай.

Андрей вошёл. Дверь захлопнулась, лязгнув засов.

Темнота.

Абсолютная, плотная, как могила.

Он сел на пол, прислонился спиной к стене. Холод пробирал сквозь куртку, но он не дрожал. Сжал кулаки, разжал. Сжал. Разжал.

Ну что ж, — подумал он. — Первая ночь в тюрьме. Не самая худшая.

Он закрыл глаза. В темноте всё равно ничего не видно.

И начал ждать.

Ждать утра. Ждать Смотрителя. Ждать того момента, когда он сможет задать вопрос, который мучил его с первого дня:

Что я сделал не так?

Но ответа не было.

Только капли падали с трубы. Кап. Кап. Кап.

Как секундомер.

Как обратный отсчёт.

Глава 5. Исповедь в бетоне

Тьма в карцере была абсолютной — не просто отсутствие света, а плотная, липкая чернота, которая давила на глаза, заставляла их напрягаться впустую. Андрей сидел на бетонном полу, прислонившись спиной к холодной стене, и считал удары сердца. Сто тридцать в минуту. Много для спокойного человека, мало для того, кого только что бросили в каменный мешок без объяснений, без воды, без надежды.

Воздух здесь был густым, спёртым, с примесью ржавчины, мочи и древней сырости — запах, который, казалось, въелся в бетон за десятилетия. Где-то над головой, в чёрной вышине потолка, капала вода. Кап. Кап. Кап. Ровный, монотонный ритм, который постепенно начинал сводить с ума. Андрей попытался отключиться от звука, сосредоточиться на другом — на шорохе собственной одежды, на дыхании, на биении пульса в висках. Но капли пробивались сквозь все барьеры, напоминая о времени, которое тянулось резиной.

Он не знал, сколько прошло — час, два, вся ночь. Без окон, без смены света и темноты его внутренние часы сбились. Только тело подсказывало: мышцы затекли, спина онемела, в коленях появилась тупая боль. Он попытался сменить позу, но места было так мало, что он мог только слегка сдвинуться, уперевшись спиной в другую стену. Карцер был размером не больше двух шагов в длину и полутора в ширину — бетонный мешок, созданный для того, чтобы ломать волю.

Андрей провёл рукой по стене — поверхность была шершавой, с выбоинами и трещинами, в которых засохла грязь. Где-то на уровне колена он нашупал глубокую царапину — похоже, кто-то до него пытался выскрести что-то на бетоне. Он провёл пальцем по линии — ноготь зацепился за неровность. Бесплезно. Даже если там была надпись, в темноте её не прочитать.

Он закрыл глаза — не чтобы уснуть, а чтобы уйти внутрь себя. Там, внутри, было так же пусто, как и снаружи. Ни имён, ни лиц, ни событий. Только ощущение — смутное, далёкое — что он когда-то знал, как выбираться из таких ловушек. Или как в них не попадать.

Кто я? — спросил он в который раз. Молчание было ответом.

Он попытался вспомнить. Не события — ощущения. Запах мазута, вкус крови во рту, металлический скрежет двери, когда его толкнули сюда. И ещё — женский голос, хриплый, усталый. Он звучал откуда-то из глубины, из того самого тумана, который заменял ему прошлое.

— *...не лезь на рожон... терпи... твой сигнал...*

— Кто ты? — прошептал Андрей в темноту.

Ответа не было. Только капли продолжали свой бесконечный отсчёт.

Он сжал кулаки, пытаясь вызвать воспоминание силой. Иногда, когда он напрягался так, что начинала болеть голова, из темноты выплывали обрывки: чьи-то руки, покрытые шрамами, жёлтый свет прожектора, тяжёлый запах металла. Но стоило сосредоточиться — всё исчезало, как утренний туман под солнцем.

Терпи, — сказал он себе. — Терпи, как учили.

Кто учил? Неизвестно. Но тело помнило — мышцы расслабились, дыхание замедлилось, сердце перестало колотиться. Он вошёл в состояние, которое, видимо, называлось «ожиданием». Или «готовностью». Или просто — жизнью в темноте.

Время шло. Капли стали реже, или ему так казалось. Жажда начала давать о себе знать — горло пересохло, язык прилипал к нёбу. Он облизал губы — солёные, потрескавшиеся. Во рту был привкус крови — видимо, он прикусил щёку, когда падал.

Он вспомнил тот миг — удар по голове, звон, темнота. Кто-то ударил его сзади, сильно, профессионально. Не убил — вырубил. Значит, не хотели смерти. Хотели чего-то другого — стереть память, сделать послушным, превратить в инструмент.

Инструмент Смотрителя, — подумал Андрей. — Или Циркуля. Или кого-то ещё.

Мысли путались, но он цеплялся за них, как за спасательный круг. Пока он думает — он жив. Пока он анализирует — он не сдаётся.

Он начал перебирать всё, что узнал за последние дни. Фрол — старый, хромой, знает тоннели. Вера — суровая, хозяйственная, что-то скрывает. Циркуль — сильный, опасный, но не враг. Смотритель — власть, страх, тайна. И золото. Пропавший поезд, который он искал до того, как потерял память.

Золото, — повторил он мысленно. — Почему я искал золото? Кто я? Вор? Агент? Жертва?

Он не знал ответа. Но чувствовал — скоро узнает. Слишком много нитей тянулось к нему из темноты. И все они вели к одному узлу.

Где-то в коридоре послышались шаги. Тяжёлые, уверенные, не похожие на шаркающую походку бродяг. Андрей насторожился, прислушался. Шаги приближались, остановились у двери.

Лязгнул засов. Дверь открылась, ударив в лицо тусклым, больным светом. Андрей зажмурился — глаза не привыкли к яркости даже слабой лампочки в коридоре. На пороге стоял Пятнистый — охранник Смотрителя, тот самый, с родимым пятном на щеке.

— Выходи, — сказал он. — Смотритель ждёт.

Андрей поднялся. Тело затекло, ноги онемели, но он не показал слабости — расправил плечи, поднял голову. Пятнистый окинул его взглядом, усмехнулся.

— Держишься? Молодец. Только не надейся, что это тебя спасёт.

Андрей промолчал. Он вышел в коридор, и свет резанул по глазам ещё сильнее. Он прищурился, давая зрачкам время привыкнуть.

— Идём, — бросил Пятнистый, разворачиваясь. — Не отставай.

Они пошли по узкому коридору, мимо ржавых труб и кафельных стен, покрытых слоем грязи. Андрей старался запоминать путь — повороты, двери, ответвления. Но после темноты карцера голова была ватной, и ориентиры ускользали.

— Далеко? — спросил он.

— Увидишь.

Они поднялись по лестнице — три пролёта, скрипучие ступени, перила, шатающиеся под рукой. Потом ещё один коридор, более широкий, с жёлтыми лампами под потолком. Андрей узнал это место — та самая дверь с латунной ручкой, кабинет Смотрителя.

Пятнистый постучал — три удара, пауза, два.

— Войдите, — сказал голос изнутри.

Андрей вошёл. Пятнистый остался снаружи — прикрыл дверь, не заходя.

Кабинет был тем же, что и в прошлый раз — тяжёлая мебель, карты на стенах, портрет человека в прокурорской форме. Смотритель сидел за столом, перед ним лежал пустой лист бумаги и старая шариковая ручка. Он смотрел на Андрея холодно, оценивающе, как смотрят на подопытное животное.

— Садись, Андрей. Пиши.

— Что писать?

— Свою биографию. Всё, что помнишь.

Андрей сел на стул — тот же, что и в прошлый раз. Взял ручку — пальцы не дрожали, хотя в горле пересохло, а голова гудела. Он посмотрел на чистый лист. Белый, без единой пометки. Как его память.

— Имя — Андрей. Документов нет. Памяти нет. Жил — в тоннеле. Ел — кашу. Спал — на нарах.

Смотритель слушал, не перебивая. Когда Андрей замолчал, он взял лист, прочитал и порвал.

— Это не биография, — сказал он. — Это даже не начало.

— Это всё, что у меня есть.

— Ты врешь, — голос Смотрителя стал жёстче. — Ты помнишь больше. Я знаю. Препарат, который тебе вкололи, не вечен. Воспоминания пробиваются. Я вижу это по твоим глазам. Андрей встретил его взгляд.

— Я помню обрывки. Лица, голоса, цвета. Но я не знаю, кому они принадлежат. Не знаю, что они значат.

— Тогда запиши их. Каждую деталь. Даже если она кажется бессмысленной.

— Зачем?

— Чтобы я понял, кто ты на самом деле.

Андрей снова взял ручку. Он написал несколько слов: «Женщина. Голос. Не лезь на рожон. Терпи. Твой сигнал». Положил ручку.

— Всё.

Смотритель прочитал, нахмурился.

— Это похоже на код. Или на инструкцию.

— Или на бред.

— Бред бывает у слабых. Ты не слабый.

Он отодвинул лист в сторону, сложил руки на столе.

— Ты опасен, Андрей. Не потому, что можешь убить. Потому что ты — живой вопрос. А вопросы здесь не любят. Они рожают сомнения, а сомнения — хаос. Мой мир держится на порядке. На страхе. На предсказуемости. Ты нарушаешь этот порядок.

— Я не хотел ничего нарушать.

— Неважно, что ты хотел. Важно, что ты делаешь.

Смотритель встал, подошёл к карте на стене — старой схеме метро, испещрённой пометками.

— Почему ты полез в багажную? — спросил он, не оборачиваясь.

— Хотел узнать, что там.

— Значит, любопытство. Самое опасное качество в подземелье.

— Я не знал, что туда нельзя.

— Незнание не освобождает от ответственности. У меня есть правила. За нарушение правил — наказание. Ты уже получил своё — карцер. Но я даю тебе шанс.

Он повернулся, посмотрел на Андрея в упор.

— Завтра утром тебя выпустят. Ты будешь работать на Циркуля. Выполнять его приказы. Не задавать вопросов. Не лезть, куда не просят. Если ты согласен — ты остаёшься в анклав. Если нет — вернёшься в карцер. Навсегда.

Андрей помолчал. Выбора не было.

— Я согласен.

— Умно, — Смотритель кивнул, но в его голосе не было одобрения. — Тогда иди. Отдыхай. Завтра начнётся твоя новая жизнь.

Андрей встал. Хотел спросить про Веру, про Циркуля. Слишком рано. Слишком опасно.

Он вышел. Пятнистый ждал в коридоре.

— Назад? — спросил он.

— Назад.

Он снова закрыл дверь карцера за его спиной. Снова задвинул засов. Снова погрузил Андрея во тьму.

Но теперь он знал — завтра его выпустят. Завтра будет новый день. А значит, есть шанс. Он сел на пол, прислонился к стене и закрыл глаза.

Капли продолжали падать. Кап. Кап. Кап.

Но теперь он считал не время до смерти — до свободы.

Вторая ночь в карцере была легче. Жажда притупилась, голова перестала гудеть, и он даже смог вздремнуть — урывками, тревожно, но достаточно, чтобы восстановить силы. Проснулся он от того, что засов снова лязгнул. Пятнистый стоял на пороге, держа в руках миску с водой и кусок чёрствого хлеба.

— Ешь, — сказал он. — Через час тебя выпустят.

Андрей взял миску — вода была тёплой, с металлическим привкусом, но он выпил её залпом. Хлеб размочил, съел, чувствуя, как силы возвращаются.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Я выполняю приказы.

Пятнистый ушёл, оставив дверь приоткрытой. Свет просачивался в карцер узкой полосой, и Андрей мог разглядеть своё убежище — бетонные стены, ржавую трубу, из которой капала вода, грязный пол. Ничего лишнего. Место, где ломают людей.

Он встал, размял ноги, руки, шею. Тело слушалось — ноющая боль в мышцах, напряжение в спине, но он мог двигаться. Он мог драться. Это было главное.

Через час за ним пришли.

Платформа встретила его привычным шумом — голоса, кашель, запах дыма и тушёнки. Фрол сидел у костра, грел руки, увидел Андрея, кивнул.

— Живой?

— Молодец. Садись, чай есть.

Андрей сел, взял кружку. Чай был чёрным, горьким, с мятой — таким же, как в первый день. Вкус знакомый, почти домашний.

— Смотритель тебя не тронул? — спросил Фрол.

— Сказал, что я буду работать на Циркуля.

— И правильно. Работа — это жизнь. Без работы — смерть.

— А где Вера?

— У печки. Варит завтрак.

Андрей допил чай, поднялся. Нужно было поговорить с ней. Выяснить, что она знает. И почему она помогла ему в первый день.

Вера стояла у большой алюминиевой кастрюли, помешивая кашу. Увидела Андрея, нахмурилась.

— Живой, — сказала она. — Хорошо.

— Вы знали, что меня посадят?

— Знала.

— Почему не предупредили?

— Чтобы ты научился. В карцере ты понял главное — здесь нельзя доверять. Даже мне.

— А вам можно?

Она усмехнулась.

— Я — единственная, кому можно. Потому что мне нечего от тебя скрывать.

Она налила кашу в миску, протянула ему.

— Ешь. Вечером приходи в кладовую. За кухней. В полночь.

— Зачем?

— Поговорим. По-настоящему.

Андрей взял миску.

— Хорошо.

Он съел кашу, чувствуя, как тепло разливается по телу. Жизнь возвращалась — медленно, но верно. Он был жив. У него был шанс. И он собирался им воспользоваться.

Весь день он работал — помогал носить дрова, чистить посуду, ремонтировать нары. Циркуль не появлялся, и Андрей радовался этому — после тренировок он чувствовал себя выжатым до дна. Сейчас нужно было просто быть полезным, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Глава 6. Голос из прошлого

Полночь наступила медленно, как приговор.

Андрей не спал. Сидел у костра, смотрел, как пламя лижет угли, и ждал. Люди вокруг затихали один за другим — кто-то укрывался в своих норах, кто-то просто отключался от усталости, как лампочка. Вентиляция гудела ровно, монотонно, усыпляюще. Но Андрей не поддавался. Внутри горело другое пламя — любопытства, перемешанного с недоверием.

Одно Андрей понял твёрдо: в этом подземелье каждый носит маску. И тот, кто снимет её первым, либо победит, либо умрёт.

Он поднялся ровно в полночь. Без звука — тело двигалось бесшумно, как его учили. Пересёк платформу, прошёл мимо спящих, нырнул в проход, ведущий к кухне. Там было темно — факелов и костров в этой части не жгли. Андрей шёл на ощупь, проводя рукой по сырой стене. Пальцы находили выбоины, трещины, старую плитку, которая крошилась под нажимом.

Кладовая за кухней оказалась маленькой комнаткой без окон. В ней пахло квашеной капустой, картошкой и мышами. Слабый свет пробивался из-под двери, но его хватало только для того, чтобы различить силуэты.

Вера уже была там. Сидела на перевёрнутом ящике, курила. Дым тянулся вверх, к закопчённому потолку, и скапливался там серым облаком.

— Закрой дверь, — сказала она тихо. — И не шуми.

Андрей притворил дверь, сел напротив. Расстояние между ними было не больше метра — в тесноте кладовой иначе не получалось.

— Я слушаю, — сказал он.

Вера затянулась, выпустила дым через нос. Долго молчала, глядя в темноту поверх его головы. Андрей не торопил. Он знал: правда не любит спешки. Правда — как старый зверь: выходит только тогда, когда сама решит.

— Десять лет назад, — наконец начала она, — я работала в морге. При Центральном железнодорожном госпитале. Патологоанатомом.

Андрей не показал удивления. Он ожидал чего угодно — от карьеры в ФСБ до службы в женском монастыре. Патологоанатом вписывалось в образ. Женщина, привыкшая к смерти. Не боящаяся её и умеющая с ней разговаривать.

— Однажды ночью, — продолжила Вера, — к нам привезли тело. Мужчина, тридцать с небольшим, черепно-мозговая травма. Лицо разбито, но узнаваемо. Сопроводительные документы — офицер внешней разведки, погиб при исполнении. Гриф «секретно».

Она замолчала. Потушила окурок о подошву валенка, спрятала в карман.

— Это был ты, Андрей. Я проводила вскрытие. Своими руками. Твои раны, твои шрамы, твоя татуировка на запястье — пять точек. Я всё запомнила. Потому что патологоанатом с опытом запоминает каждое тело. Мы с ними работаем больше, чем с живыми.

— Но я жив, — сказал Андрей. Он поднёс руку к свету, посмотрел на татуировку. Пять точек, расположенных как на игральной кости. — Значит, вы ошиблись. Или кто-то подменил тело.

— Тело подменили, — кивнула Вера. — Через три дня. Я узнала об этом случайно — зашла в морг вне очереди, чтобы взять инструменты. Холодильник, где лежал ты, был пуст. А в документах появилась запись о кремации. Но кремации не было. Я проверила — у меня остались связи.

— Кто подменил?

— Не знаю. Но знаю, кто приказал. — Она наклонилась ближе, понизила голос до шёпота. — Человек, которого ты искал. Которого мы все искали. Организатор крушения поезда. Человек, который сейчас сидит в Кремле и улыбается с экранов телевизоров.

Сердце Андрея забилося быстрее. Не от страха — от узнавания. Хотя он ничего не помнил, тело знало: это правда. Это тот самый след, который он потерял десять лет назад. И снова нашёл.

— Почему вы не рассказали это Смотрителю? — спросил он.

— Потому что Смотритель — часть этой игры. — Вера выпрямилась, и в её голосе появилась горечь. — Думаешь, он просто прокурор, который ушёл в подполье? Нет. Его сюда сослали. Сослали собственные коллеги, когда он узнал про золото. Смотритель — это козёл отпущения. Живой, говорящий, но козёл. Он держится здесь, потому что боится выйти. А боится, потому что знает: наверху его убьют.

— И поэтому он держит анклав?

— И поэтому он держит анклав. Власть над бездомными — это его иллюзия власти. На самом деле он такой же узник, как и мы. Просто камера у него больше и кормят лучше.

— А что насчёт золота? — спросил Андрей. — Где оно?

— Ты нашёл его десять лет назад. — Вера снова достала кiset, свернула новую сигарку. Пальцы дрожали — первый раз за вечер Андрей заметил дрожь. — В ту самую ночь, когда тебя убили. Ты звонил мне — у меня был телефон, служебный, по нему никто не проверял. И сказал: «Вера, я нашёл состав. Он здесь, под землёй. Но я не смогу его взять. Слишком много охраны. Если я не вернусь через три часа — вытаскивай меня через морг».

— И я не вернулся.

— Ты не вернулся. — Она прикурила, выпустила дым. — Через три часа я позвонила. Никто не ответил. Через шесть — тоже. А через десять мне позвонили с работы и сказали, что в морг доставили тело офицера, погибшего при исполнении. И назвали твою фамилию. Горелов Андрей Викторович.

— Горелов, — тихо повторил Андрей. Фамилия не вызвала никаких чувств. Чужое имя. Как из газеты. — Так моя фамилия Горелов?

— Была. — Вера выпустила дым ему в лицо. — Сейчас ты никто. Андрей без фамилии. И это, может быть, твоё единственное спасение.

— От чего?

— От тех, кто ищет тебя. Они не знают, что ты жив. Думают, ты кремирован, развеян над Москвой-рекой. Если узнают — начнут охоту. И тогда не поможет никто. Ни Смотритель, ни Циркуль, ни я.

Андрей молчал. Переваривал.

В голове складывалась картинка. Пазл, от которого было всего несколько кусков, но они уже начинали соединяться.

Он — офицер внешней разведки. Горелов. Десять лет назад искал пропавший поезд с золотом. Нашёл его. Сообщил Вере. И его убили. Подменили тело. Инсценировали смерть.

Вопрос: зачем? Кому нужно, чтобы он считался мёртвым? И почему он жив сейчас — и без памяти?

— Кто меня ударил? — спросил он. — В этот раз. Не десять лет назад. Два дня назад. Кто?

Вера покачала головой.

— Не знаю. Я узнала о тебе только когда ты появился на платформе. Увидела — и чуть не закричала. Это было как привидение. Такое же лицо, такой же взгляд. Только старше на десять лет.

— Почему вы не сказали сразу?

— А что бы это дало? — Она усмехнулась. — Ты бы не поверил. Или поверил — и сошёл с ума. Я ждала. Хотела убедиться, что это точно ты. А не двойник.

— И убедились?

— Убедилась, когда ты дрался с Хрящом. Твоя техника. Та же самая, что была десять лет назад. Её нельзя подделать. Это не просто навык — это стиль. Твой стиль.

Андрей посмотрел на свои руки. В слабом свете окурка они казались чужими — старыми, натруженными, покрытыми шрамами, которых он не помнил.

— Что мне делать? — спросил он. Спросил не у Веры — у себя. Но ответила она.

— Вспоминать. Всё. Тоннели, имена, пароли, явки. То, что ты знал десять лет назад, нужно тебе сейчас. Потому что золото до сих пор там. Никто его не нашёл.

— Откуда вы знаете?

— Если бы нашли, меня бы здесь не было. — Она докурила, потушила окурочек. — Смотритель ищет его каждый день. Циркуль роет тоннели, посылает людей. А оно не даётся. Потому что только ты знал, где оно. И теперь ты снова здесь.

— Случайно?

— Не верю в случайности, Андрей. — Вера встала. — Кто-то привёл тебя сюда. Кто-то ударил по голове и бросил на рельсах. Кто-то знал, что ты единственный, кто может найти состав. Но не хотел, чтобы ты всё помнил. Потому что память — это власть. А властью не делятся.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась.

— Берегись Циркуля, — сказала она. — Он знает больше, чем говорит. И он боится, что ты вспомнишь. Потому что в той операции, десять лет назад, он тоже участвовал. С той стороны.

— С какой?

— С той, что стреляла в тебя.

Вера ушла. Андрей остался один в темноте кладовой. Запах квашеной капусты вдруг показался невыносимым, тошнотворным. Он встал, вышел в коридор, привалился спиной к холодной стене.

Циркуль, — подумал он. — Циркуль стрелял в меня. Или приказывал стрелять. Он знает, кто я. И хочет, чтобы я не вспомнил.

Вот зачем были тренировки. Вот зачем бой с Хрящом. Циркуль проверял — насколько глубоко сидит память. Не учил — оценивал.

Он враг. Самый опасный. Потому что он рядом.

Андрей вернулся на платформу. Лёг на нары, закрыл глаза. Сон не шёл. Перед глазами стояло лицо Веры, её дрожащие пальцы, её голос: «Ты звонил мне». Он звонил ей. Значит, доверял. А если доверял — может доверять и сейчас.

Но доверие — это оружие. Обоюдоострое.

Он заснул под утро, когда вентиляция сменила гул на низкое, утробное урчание. И впервые за эту неделю ему приснился сон.

Не обрывок. Не ощущение.

Целый сон.

Он стоит на перроне. Поезд — старый, зелёный, с гербами на боках. Вагоны заперты, окна зашторены. Рядом — Вера. Молодая, без седины, в белом халате.

— Там золото, — говорит она. — Тонн тридцать. Можешь представить?

— Могу, — отвечает он. И голос — его собственный, низкий, уверенный. — Но его нужно вывезти. Иначе найдут другие.

— Кто?

— Те, кто его спрятал. Те, кто убил машиниста. Я знаю, кто это, Вера. И мне нужно время.

— Сколько?

— Неделя.

Он поворачивается и идёт к выходу из тоннеля. Навстречу свету. Свет режет глаза, он щурится, поднимает руку...

Сон оборвался. Андрей открыл глаза. Платформа жила своей дневной жизнью. Кто-то ругался у бочки с водой, кто-то играл в карты, кто-то просто сидел и смотрел в пустоту.

Он сел. Голова болела — тупо, ноюще, как перед грозой.

Неделя, — подумал он. — Мне нужна была неделя. А кто-то решил, что ждать не стоит.

— Ты спал? — спросил Фрол, подходя с кружкой чая. — Вид у тебя — как у покойника.

— Снилось кое-что, — ответил Андрей, принимая кружку.

— Хорошее?

— Не знаю. Ещё не понял.

Он отпил чай. Горький, тёплый, с мятой. Вера положила мяту — знала, что он любит. Это тоже было знаком. Старым, доверительным, от которого щемило сердце.

Я не один здесь, — подумал он. — У меня есть союзник. Настоящий.

Но врагов больше.

Он допил чай, поставил кружку и направился в сторону кухни. Нужно было найти Вера. Спросить ещё кое о чём.

Но на полпути его перехватил Пятнистый.

— Циркуль зовёт, — сказал он. — Срочно. На ринг.

— Зачем?

— Не знаю. Сказал — дело есть.

Андрей кивнул. Пошёл.

Ринг в бомбоубежище был пуст. Только Циркуль сидел на табурете в углу, сжимая в руках какой-то свёрток. Увидел Андрея, встал.

— Закрой дверь, — сказал он. — И слушай.

Андрей закрыл дверь. Встал напротив, сложив руки на груди.

— Я знаю, что ты говорил с Верой, — сказал Циркуль. Голос спокойный, почти дружеский. — Ночью. В кладовой.

— Следишь за мной?

— Слежу за всеми. Это моя работа.

— И что ты хочешь?

Циркуль развернул свёрток. Внутри лежал пистолет — старый, макаровский, с потёртой рукояткой.

— Хочу предложить сделку, — сказал он. — Ты помогаешь мне найти золото. А я помогаю тебе вспомнить, кто ты. И убить того, кто ударил тебя по голове.

— Ты знаешь, кто это?

— Знаю. — Циркуль посмотрел ему прямо в глаза. — Я.

Глава 7. Признание

Тишина в бомбоубежище стала вдруг такой плотной, что её можно было резать ножом. Андрей смотрел на Циркуля. Циркуль смотрел на Андрея. Пистолет лежал между ними на свёртке — старый, надёжный, как ложь.

— Ты, — повторил Андрей. Не вопрос. Утверждение.

— Я, — кивнул Циркуль. — Не ждал, что скажу это так скоро. Но обстоятельства меняются.

Рука Андрея не дрогнула. Он не бросился на Циркуля с кулаками — хотя тело требовало этого, требовало крови, мести, инстинктивного животного действия. Где-то глубоко, в той части сознания, что не зависела от памяти, загорелась красная лампочка: *опасность. Враг. Уничтожить.*

Но Андрей подавил импульс. Слишком много неизвестных. Слишком много вопросов, на которые у него нет ответов.

— Зачем? — спросил он. — Зачем ты ударил меня?

Циркуль опустил на табурет. Жест не расслабленный — усталый. Впервые Андрей увидел в этом человеке что-то человеческое. Не маску, не роль, а живую, измотанную душу.

— Потому что мне приказали, — сказал Циркуль. — А я выполняю приказы. С детства.

— Чьи приказы?

— Смотрителя.

Андрей ждал продолжения. Циркуль молчал — не играл в гляделки, просто собирал слова. Каждое давалось ему с трудом, будто он выдирает их из себя пинцетом.

— Смотритель узнал, что ты был разведчиком, — наконец выдавил он. — Не всё сразу. По кусочкам. По фотографиям, по старым связям. Он понял, что ты вернулся за золотом. И приказал убрать тебя. Не убивать — стереть память.

— Удар по голове — плохой способ стереть память, — сказал Андрей. — Можно убить. Или сделать овощем.

— Нам повезло. — Циркуль усмехнулся — невесело, с горечью. — Я бил не на смерть. Я бил ровно настолько, чтобы отключить. Остальное сделал Смотритель. Он дал тебе препарат — тот самый, что используют в спецслужбах для блокировки памяти.

— Откуда у него такой препарат?

— Оттуда же, откуда у него всё. — Циркуль развёл руками. — Смотритель — бывший прокурор. У него связи в ФСБ, в МВД, в медицине. Он может достать всё. Даже то, чего не существует официально.

Андрей провёл рукой по затылку. Рана затягивалась, но под пальцами всё ещё чувствовался бугор — место, куда пришёлся удар.

Циркуль. Сзади. В темноте.

— Почему ты говоришь мне это сейчас? — спросил он. — Совесть проснулась? Или хочешь, чтобы я убил тебя?

— Ни то, ни другое. — Циркуль встал, подошёл к стене, прислонился лбом к холодному бетону. — Смотритель хочет избавиться от меня. Я стал слишком много знать. Слишком много летал. Он нашёл замену. Ты.

— Я?

— Ты. Он хочет, чтобы ты занял моё место. А меня — спустить в нижний круг. Или хуже.

— Зачем ему я? Без памяти, без прошлого?

— Потому что у тебя есть то, чего нет у меня. — Циркуль повернулся. Глаза его — ледяные, серые — теперь казались не холодными, а выжженными. — Ты знаешь, где золото. Не

помнишь, но знаешь. Где-то в подкорке, в теле, в рефлексах. Смотритель надеется, что память вернётся. И тогда ты приведёшь его к составу.

— А потом он убьёт меня.

— И тебя, и меня. Всех, кто знает. — Циркуль подошёл к Андрею вплотную. — Поэтому я предлагаю тебе не сделку. Я предлагаю тебе союз. Временный. Против общего врага.

Андрей смотрел на него. Врёт? Играет? Или говорит правду?

Пистолет на свёртке лежал между ними. Андрей мог бы взять его. Мог бы выстрелить. Мог бы приставить к виску Циркуля и требовать правды.

Но оружие было не его. Не сейчас. Сейчас оружием было слово.

— Докажи, — сказал Андрей.

— Что?

— Что ты говоришь правду. Назови того, кто заказал золотой поезд. Того, кто сейчас в Кремле и улыбается с экранов.

Циркуль помолчал. Андрей видел, как работает его челюсть — желваки ходят ходуном. Борется с собой.

— Имя я не назову, — сказал он. — Потому что если я его назову, ты мне не поверишь. А если поверишь — побежишь к Смотрителю, и он тебя убьёт. И меня заодно.

— Тогда как ты докажешь?

— Этим. — Циркуль достал из кармана куртки маленький диктофон — старый, «Сони», с облезшей краской. — Здесь запись разговора Смотрителя с тем человеком. Десятилетней давности. За несколько дней до крушения поезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.